

УДК 1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Этика искусственного интеллекта в России: суверенный vs глобалистский подход

Черняев А.В.

Институт проблем передачи информации РАН
Россия, 127051, Москва, Б. Каретный п-к, д. 19 стр. 1
Chernyaevphd@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются содержание и основные результаты российских научных, общественных и политических дискуссий по социально-этическим проблемам искусственного интеллекта (ИИ). Констатируется поворот от изучения прямых военно-технологических и инфраструктурных рисков к анализу более широких социально-гуманитарных последствий интенсивного внедрения цифровых технологий. Обосновывается важность внедрения технологий ИИ для России с учетом демографической ситуации и социально-экономических задач. Предпринимается попытка оценить релевантность для России международного опыта и в частности Рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта ЮНЕСКО: демонстрируется философская и политико-идеологическая направленность этого документа, а также функционал международных организаций в контексте современной мировой политики. Устанавливается несоответствие ряда интенций документа ЮНЕСКО традиционным ценностям и национальным интересам России. Ставится вопрос о необходимости актуализации русского философского наследия как концептуальной основы для разработки национальной доктрины в области этики ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, интеллектуальный суверенитет, глобализация, международные организации, ЮНЕСКО, русская философия

Для цитирования: Черняев А.В. 2024. Этика искусственного интеллекта в России: суверенный vs глобалистский подход. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 756–768. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sovereign vs Globalist Approach

Anatoly V. Chernyaev

The Institute for Information Transmission Problems RAS
19, build.1 Bolshoy Karetny al., Moscow 127051, Russian Federation
Chernyaevphd@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of literature, Russian and international regulatory documents on the development and ethical regulation of artificial intelligence, a turn is noted from the study of direct military-technological and infrastructural risks to the analysis of broader socio-humanitarian consequences of the intensive implementation of digital technologies. The content and main results of Russian scientific, public and political discussions on the socio-ethical problems of artificial intelligence, the range of problems, opinions and arguments are considered. Including: questions about the conceptual prerequisites for the admission of social subjectivity and the legal status of artificial intelligence, the relationship between the development of digital technologies and the transhumanism project, and a religious interpretation of the phenomenon of artificial intelligence. The importance of introducing artificial intelligence technologies for Russia is substantiated, taking into account the demographic

situation and socio-economic tasks. An attempt is made to assess the relevance of international experience for Russia, in particular the UNESCO Recommendation on the Ethical Aspects of Artificial Intelligence, demonstrating the philosophical and political-ideological focus of this document, as well as the functionality of international organizations in the context of modern world politics. The inconsistency of a number of intentions of the UNESCO document with traditional values and national interests of Russia is established. The question of the need to update the Russian philosophical heritage as a conceptual basis for the development of a national doctrine of the ethics of artificial intelligence is raised.

Keywords: artificial intelligence, ethics, intellectual sovereignty, globalization, international organizations, UNESCO, Russian philosophy

For citation: Chernyaev A.V. 2024. Ethics of Artificial Intelligence in Russia: Sovereign vs Globalist Approach. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 756–768 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-756-768

Разворачивающиеся в современном мире процессы интенсивного развития и широкого применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) бросают вызов традиционным способам повседневной и производственной деятельности человека, самому образу его бытия в персональном, социальном, политическом измерениях. Проблематика ИИ стала предметом пристального интереса и широкого обсуждения как в рамках специализированных научных сообществ, так и при участии общественных, политических, религиозных деятелей. При этом внимание гуманитарных экспертов – философов, психологов, правоведов, теологов – оказалось сосредоточено главным образом на проблематичных и двусмысленных аспектах цифровых технологий, на тех потенциальных угрозах для человека, культуры и общества, которые связаны с последствиями их внедрения.

Социально-этическая проблематика искусственного интеллекта: российский контекст

В последние годы как в научных разработках, так и в политических дискуссиях наблюдается поворот от изучения прямых военно-технологических и инфраструктурных рисков к анализу более широких социально-гуманитарных последствий интенсивного внедрения и использования цифровых технологий [Сорокова, 2002, с. 162]. Одним из наиболее значимых и дискуссионных на сегодняшний день стал вопрос, который активно прорабатывается и лоббируется в зарубежных странах, о наделении ИИ правовым статусом. Так, уже в 2017 году Европарламентом была принята резолюция, обозначившая допустимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе [Человек и системы..., 2022, с. 82]. В том же году робот по имени София стал подданным Саудовской Аравии; комментаторы обращают внимание на то, что прав у этого существа на практике больше, чем у женщин в королевстве: София не носит традиционную мусульманскую абайю, может свободно общаться с мужчинами, ей не грозит привлечение к ответственности за нарушение законов шариата [Человек и системы..., 2022, с. 83].

Как сообщает Т.Я. Хабриева, разработчики правовой доктрины уже готовы предложить юридические модели, обеспечивающие максимальную автономизацию юнитов ИИ в социальных и политико-правовых процессах, в частности, их предлагается наделить правом на функционирование, энергосбережение, самообучение [Человек и системы..., 2022, с. 83]. При этом, по указанию председателя Конституционного суда России В.Д. Зорькина, «признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права вступает в неразрешимое противоречие едва ли не со всеми канонами правовой

догматики, включая учения об автономной правовой воле, правоотношении, правонарушении и юридической ответственности» [Зорькин, 2024]. С точки зрения Хабриевой, это чревато киборгизацией субъектов правоотношений: «Человек, наделенный волей, будет вынужден подчиняться не другому человеку, а “машине”, подчиненной алгоритму <...> “Под давлением” окажутся принципы права — гуманизм, равенство и справедливость, а также фундаментальные права человека — на свободу (личную, воли, выбора), неприкосновенность частной жизни, достоинство личности» [Человек и системы..., 2022, с. 94-95].

Попытка раскрыть концептуальные, философские предпосылки представления о возможности наделения ИИ правосубъектностью предпринимается в докладе В.Д. Зорькина «Право и вызовы искусственного интеллекта» (2024 г.): «методологической подоплекой предложений о предоставлении искусственному интеллекту личной правосубъектности выступают идеи о “децентрации” понятия человека как субъекта и о случайном, изменчивом и нецелостном его характере, подготовленные деконструктивистской программой постмодернизма» [Зорькин, 2024]. Согласно гипотезе автора доклада, в долгосрочной перспективе наделение ИИ правосубъектностью призвано обеспечить реализацию проекта трансгуманизма, в ходе чего, с одной стороны, появляются человекообразные киберсущества, а с другой – сам человек постепенно уподобляется машине. В связи с этим высказывается предположение, что «внедряя нейротехнологии и репрогенетику, мы оказываемся на пороге фатальной утраты своей человеческой идентичности», а также – «перед лицом наступающего “нового рабства”» [Зорькин, 2024].

Проникнутым пессимизмом философским обобщениям Зорькина вполне созвучны и выводы представителей академической философии: как указывает В.А. Лекторский, председатель Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, тотальная цифровизация чревата тем, что «вы перестаете быть владельцем информации о своей жизни и её хозяином. Ваше личное пространство оказывается как бы взломанным, и вы становитесь предметом управления со стороны других людей. Намерение приобрести с помощью цифровизации невиданную свободу оборачивается тем, что человек перестает понимать окружающий мир и самого себя, теряет автономию, попадает в рабство к искусственному интеллекту» [Человек и системы..., 2022, с. 23].

В докладе Зорькина затрагивается и такой аспект, как квазирелигиозный характер мировоззрения сторонников трансгуманизма: оно оценивается автором как «суррогат веры, где место всемогущего Бога заняла химера искусственного “сверхума” <...> Трансгуманистские замыслы приходят в явное столкновение с Божественным замыслом о создании человека по образу и подобию Божьему и о человеческом теле как храме» [Зорькин, 2024]. Следует отметить, что алармистский пафос Зорькина превосходит в этом отношении позицию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который видит в распространении технологий ИИ серьезную угрозу дегуманизации общества, но при этом не исключает возможности выработки эффективных правил взаимодействия человека с техникой: «Наблюдая то, как вторгается искусственный интеллект во все стороны человеческой жизни, становится понятным, что речь идет, конечно, о дегуманизации человеческого общества <...> Мы не избежим развития всего того, что связано с продвижением возможностей искусственного интеллекта, но мы параллельно с этим должны развивать соответствующую философию, правила взаимодействия человека с искусственным интеллектом» [Патриарх Кирилл, 2023].

Трудно отрицать, что задача внедрения технологий ИИ обладает особой значимостью для России, где на фоне сложной демографической ситуации проблема дефицита трудовых ресурсов может быть компенсирована за счет автоматизации процессов производства и социального обслуживания населения, особенно – в новых

территориально-производственных комплексах, в будущих городах Сибири, Дальнего Востока и Севера России. Как указывает С.Н. Васильев, «интеллектуализация и применение роботов и включающих их распределенных робототехнических комплексов (РТК), в т. ч. с коллективным управлением, позволит не только сократить дефицит работников, но и повысить производительность труда. Создание широкого спектра масштабируемых малолюдных производств на основе РТК и, как следствие, увеличение ВВП страны будет <...> источником психологического подъема энтузиазма российского народа, как это бывало не раз в нашей истории» [Человек и системы..., 2022, с. 55-56].

Таким образом, с учетом российской специфики, в острых конкурентных условиях современного мира мы вряд ли можем себе позволить оставаться в стороне от интенсивного развития технологий ИИ. Согласно утвержденной Указом Президента РФ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Национальная стратегия..., 2019], укрепление позиций России в качестве одного из лидеров в области развития и внедрения технологий ИИ является необходимым условием обеспечения технологической независимости и конкурентоспособности страны (п. 17). При этом ставится задача разработки этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом (п. 49 ж).

В части этико-прикладного регулирования ИИ российская теория и практика в значительной степени ориентированы на международные стандарты. В отечественной литературе распространена точка зрения, в соответствии с которой эту задачу предлагается решать как частный случай по отношению к общему: «Этические вопросы, касающиеся ИИ, стоят перед всем мировым сообществом, а это означает, что необходимо разработать некую документальную, нормативную основу, которой смогут следовать все страны, чтобы на ее основе стало возможным сформулировать уточняющие стандарты или рекомендации, учитывающие собственные ценности, культурные традиции, моральные нормы различных стран» [Леушина, Карпов, 2022, с. 125]. При этом в качестве образца для общей основы рассматривается «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта», принятая Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в 2021 г. [Рекомендация об этических..., 2023] (чему предшествовала многолетняя подготовительная работа (см.: [Гарби, 2019])). В том же году в России был представлен «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», разработанный представителями бизнеса и экспертного сообщества. При Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был сформирован Комитет по вопросам этики искусственного интеллекта в целях выработки и координации подходов России к международному сотрудничеству в области ИИ на площадке ЮНЕСКО под председательством академика РАН А.П. Кулешова (см.: [Искусственный интеллект..., 2020]).

Рекомендация ЮНЕСКО: философская и политико-идеологическая направленность

Как отмечается, «российские авторы положительно оценивают попытку определить “универсальную модель этичного ИИ”, однако с сожалением отмечают слишком большое количество “конъюнктурных и сомнительных пассажей”, содержащихся в данном документе» [Алексеев, Алексеева, 2024, с. 45]. На основе изучения международных рекомендаций в отечественной литературе выделяются такие базовые императивы этики ИИ, как уважение, защита и поощрение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; благополучие окружающей среды и экосистем; обеспечение разнообразия и инклюзивности; поощрение мира и согласия [Клюева, 2021, с. 55]. Насколько же актуальна для России Рекомендация ЮНЕСКО в качестве базового руководства и методологического ориентира при разработке национальных этических правил взаимодействия человека с ИИ?

Необходимо констатировать, что документ ЮНЕСКО имеет существенный отпечаток ангажированности бизнес-интересами транснациональных корпораций и политико-идеологической тенденциозности. На это указывает как содержание документа, так и непосредственный опыт экспертов, принимавших участие в его разработке. В состав экспертной рабочей группы по подготовке проекта Рекомендации ЮНЕСКО был включен член-корреспондент РАН М.В. Федоров, участвующий также в работе российского Комитета по вопросам этики ИИ [Искусственный интеллект..., 2020]. По свидетельству ученого, «на протяжении всей многомесячной экспертной работы складывалось впечатление, что некоторые ответственные сотрудники Секретариата, а также ряд якобы “независимых” экспертов из разных стран мира, фактически действовали в унисон и при этом с оглядкой на всем известные западные ИИ-гиганты, а не на Устав ЮНЕСКО <...> За общими, казалось бы, благими формулировками и призывами, по ходу документа обнаруживались идеи скрытого протекционизма в интересах крупного капитала. По всей видимости, эти же лица лоббировали появление в тексте Рекомендации прозападных политических установок, императивно подталкивающих страны — члены ЮНЕСКО к одному единственному алгоритму действий при реализации ключевых положений Рекомендации. В нарушение уставных принципов поддержки и защиты этнокультурного многообразия и самобытности мировому сообществу, далеко неоднородному по своей природе, предлагается ориентироваться на этические нормы, рамки и меры оценки работы систем ИИ, выработанные исключительно на базе неоднозначных неолиберальных правочеловеческих стандартов и ценностей. Стоит ли удивляться, что такие “стандарты” по большей части распространены в странах “коллективного Запада”?» [Федоров, Цветков, 2020].

Это совершенно не удивительно, поскольку политика ЮНЕСКО, являющегося подразделением ООН, направлена на обслуживание интересов акторов мировой глобализации, что нашло отражение и в рассматриваемом документе. Предлагаемый далее разбор финальной редакции документа ЮНЕСКО [Рекомендация об этических..., 2023] позволит конкретизировать и дополнить данное впечатление российского эксперта. Уже в преамбуле констатируется, что осмысление рассматриваемых проблем предлагается «в рамках глобального подхода», в соответствии с принципом экстерриториальности (§ 38), с ориентацией на «условия будущего взаимосвязанного мира» (§ 22). В документе реализуется установка на приоритетность международного права по сравнению с национальным, подчеркивается «ориентация на общечеловеческие интересы» (§ 63).

В идеологическом отношении «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО базируется на ряде постулатов современного западного неолиберализма, в числе которых: права человека, гендерное равенство, мультикультурализм, инклюзивность, пацифизм. При этом используется идеология прав человека в их специфически западном – индивидуалистическом понимании, которая навязывается в качестве обязательного сопроводительного элемента при исследовании этики ИИ («изучение воздействия ИИ-систем должно включать просвещение в области прав человека и основных свобод», § 45). Постулируется также необходимость «обеспечения согласованности с международными нормами, стандартами и принципами в области прав человека» (§ 65) при разработке национальных правил и правовых актов. Констатируется приоритет и универсальность прав и свобод человека в соотношении с его национальными, культурными, религиозными идентичностями (§ 13). В тексте документа неоднократно указывается на принцип инклюзивности, предписывается осуществлять «инклюзивный контроль» (§ 35) и «инклюзивные подходы» (§ 47). Одним из условий глобализации является реализация политики мультикультурализма; в документе ЮНЕСКО соблюдение этого принципа предусмотрено через требование обеспечивать «культурный плюрализм» (преамбула) и осуществлять «глобальный межкультурный

диалог» (§ 7). Принцип пацифизма и непротивления находит выражение в неоднократно повторенном запрете использовать т.н. «язык ненависти» (§ 3 (d), § 114). Применение большинства перечисленных принципов обобщено в следующей формуле: «оценки этического воздействия <...> должны носить многопрофильный, многосторонний, мультикультурный, плюралистический и инклюзивный характер» (§ 5 3).

Особое внимание уделено принципу гендерного равенства, которому в документе ЮНЕСКО посвящен специальный раздел («Приоритетная область 6»). В нем, в частности, сформулированы требования «при проведении оценок... использовать сквозной гендерный подход» (§ 87), «не допускать закрепления гендерных стереотипов и предубеждений в искусственных интеллектуальных системах, а напротив, обеспечить их выявление и инициативное устранение» (§ 90), «поощрять гендерное разнообразие в сфере связанных с ИИ научных исследований» (§ 92). Складывается впечатление, что главной задачей идеологов ЮНЕСКО является не разработка правил этики ИИ, а лишь использование этого кейса как инструмента для обеспечения принципов политкорректности: «чтобы потенциал применения цифровых технологий и ИИ в максимальной степени способствовал достижению цели гендерного равенства» (§ 87). На этот аспект гендерной темы в тексте «Рекомендации» обращает внимание М.В. Федоров: «На первый план Секретариат ЮНЕСКО выводит вопросы гендерного равноправия, причем с заделом на их расширенное толкование, выходящее за рамки классической связки мужчина-женщина <...> Сама постановка вопроса для сути данной Рекомендации является бессмысленной, поскольку ничего не добавляет к раскрытию темы взаимодействия человека со сложными алгоритмическими системами. Смысл появляется, только если рассматривать документ как идеологически-заряженный инструмент воздействия на страны – члены ЮНЕСКО с целью их приобщения к “передовым” правочеловеческим стандартам “цивилизованного” сообщества» [Федоров, Цветков, 2020].

В качестве практических механизмов реализации указанных политико-идеологических принципов предлагается разработка и распространение директивных документов и внедрение системы этического мониторинга, который должны осуществлять специальные этические комиссии (§ 134), а также создание своего рода института идеологических комиссаров путем «введения должности независимого сотрудника по этическим аспектам применения ИИ» в компаниях, занимающихся разработками технологий ИИ (§ 58). Государствам – членам организации предъявляется целый ряд требований политического и финансового характера: они должны «предусмотреть в своих бюджетах целевые ассигнования на финансирование программ в поддержку гендерного равенства <...> разработку надлежащих директивных документов <...> осуществить меры по финансированию программ и использованию гендерно неспецифического языка» (§ 88); «инвестировать в формирование навыков <...> в целях укрепления критического мышления и компетенций, необходимых <...> чтобы противостоять заведомо ложной и недостоверной информации и языку ненависти» (§ 114); «обеспечить направление средств из государственных источников (выделяемых на цели научно-технических разработок и инноваций) на осуществление инклюзивных программ» (§ 91).

Целый ряд требований ЮНЕСКО можно квалифицировать как попытки вмешательства во внутренние дела суверенных государств, в частности – в их визовую политику: «Для обеспечения общедоступности форумов по проблематике ИИ государствам-членам необходимо содействовать въезду на свою территорию <...> и выезду субъектов связанной с ИИ деятельности» (§ 60). В целях максимально широкой экспансии идеологических стандартов ЮНЕСКО предписывается также обеспечивать их продвижение за счет внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государств-членов: «в странах, установивших или принявших этические стандарты для ИИ, следует соблюдать эти стандарты при экспорте своей продукции, разработке или

применении ИИ-систем в странах, где таких стандартов может не быть» (§ 120). В свою очередь, провозглашаемый в документе ЮНЕСКО «принцип “общего цифрового достояния”», предписывающий «поощрять компании обмениваться собранными ими данными со всеми заинтересованными сторонами» (§ 77), представляет собой покушение на государственный цифровой суверенитет, который предусматривает охрану и ограничение доступа к ряду национально значимых баз данных. Учитывая все вышесказанное, требование проводить национальные разработки по этике ИИ во взаимодействии с международными структурами и корпорациями приобретает значение фактора идеологической индоктринации и лоббирования бизнес-интересов («государствам-членам путем привлечения международных организаций, научно-исследовательских учреждений и транснациональных корпораций следует содействовать проведению исследований, касающихся этических аспектов ИИ», § 82).

Таким образом, концептуальную основу Рекомендации составляет глобалистическая неолиберальная идеология, нацеленная на ограничение суверенитета национальных государств с присущими им культурно-историческими традициями, духовно-нравственными ценностями, особенностями политико-правовой культуры – несмотря на декларируемую озабоченность сохранением региональной самобытности, местных этических стандартов и установок, уважение и защиту культурного разнообразия (преамбула). Признавая существование в различных странах и регионах мира специфических особенностей социально-культурного и политико-правового уклада, в тех случаях, когда они расходятся с цивилизационными стандартами западного сценария глобализации, предпочтение отдается последним, а аргументы в пользу защиты национальных укладов оцениваются как «предрассудки и стереотипные представления в отношении самобытности» (§ 2 (с)).

Политическая функция современных международных организаций

Присутствующая в «Рекомендации» ЮНЕСКО политико-идеологическая ангажированность находится в полном соответствии с наступательной политикой, реализуемой международными организациями на современном этапе, начало которого принято связывать с завершением периода баланса сил, продолжавшегося в течение четырех десятилетий после Второй мировой войны. На фоне того, как в связи с ослаблением и распадом СССР поколебались основы ялтинско-потсдамского мирового порядка, международные структуры изменили свой функционал: вместо вспомогательного инструмента для решения отдельных проблем взаимодействия суверенных государств – площадки достижения консенсуса, они превратились в активный сегмент международной политики. Если по своему первоначальному замыслу они создавались как учреждения межгосударственного сотрудничества, то теперь «они “втягиваются” в процессы, связанные с глобализацией и “размыванием” государственности, начиная активно взаимодействовать с другими, негосударственными международными акторами» [Кутейников, 2015, с. 37], которые реализуют свои интересы в сферах региональной политики, международной торговли и бизнеса, трансграничных социально-культурных проектов, мировых информационных потоков, распространения высоких технологий. Фактически, на современном этапе международные организации стали использоваться в качестве инструмента неокOLONIALной экспансии под флагом продвижения идеалов западной демократии.

Как констатирует Л.С. Воронков, «к завершению “холодной войны” в мире сформировался “Клуб богатых держав”. Входящие в него государства кровно заинтересованы в том, чтобы совместными скоординированными усилиями продолжать создавать впечатление о безальтернативном характере неолиберальной модели развития и якобы универсальном, общечеловеческом характере западных ценностей <...> которым они стремятся придать глобальный характер, сохраняя за собой монополию на оценку их соблюдения другими странами». Западные либеральные ценности – это «главные

инструменты, позволяющие им не только обеспечивать своё привилегированное и доминирующее положение в мировой экономике и политике, но и постоянно наращивать находящееся под их контролем мировое экономическое пространство за счёт включения в него новых стран. Внешнеэкономическая экспансия такого рода отличается от политики прежних колониальных империй лишь методами и инструментами достижения поставленных целей, но никак не самими целями» [Воронков, 2015, с. 108].

Идея продвижения либеральных ценностей и западных стандартов демократии оказалась эффективным прикрытием для того, чтобы, с одной стороны, наращивать целенаправленное вмешательство во внутреннюю политику суверенных стран, а с другой – маскировать за привлекательной гуманитарной риторикой масштабные политические акции, осуществляемые по каналам международных организаций в интересах крупных транснациональных корпораций и политических сил, представляемых государствами – мировыми гегемонами. При этом проводить линию на вмешательство посредством международных структур оказалось проще и результативнее, чем использовать традиционные инструменты государственной внешней политики. В итоге «изменилось понимание границы, разделяющей государственные права и суверенитет, с одной стороны, и компетенции международной организации, с другой стороны» [Кутейников, 2015, с. 23]. Основным вектором этой политики, как указывает А.Е. Кутейников, является обеспечение т.н. демократического транзита, «сущностным содержанием которого стало ослабление государственных институтов под напором либеральных преобразований» [Кутейников, 2015, с. 31]. В рамках «демократического транзита» предполагается трансформация такого ключевого элемента государственности как политический суверенитет, который должен сначала подвергнуться значительным ограничениям под давлением требований международных организаций и норм международного права, а затем ему на смену должна прийти «космополитическая демократия (постдемократия)» [Кутейников, 2015, с. 33].

Исследователи относят время начала либо активизации деятельности международных организаций как акторов мировой политики к концу 1980-х гг. [Кутейников, 2015, с. 36], однако можно уверенно утверждать, что ЮНЕСКО изначально создавалась для обеспечения мировой глобализации и демонтажа суверенитета национальных государств, получив для этого тщательно разработанную идеологическую основу. Один из отцов-основателей и первый генеральный директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли (1887–1975) в 1946 – год начала деятельности организации – опубликовал работу «ЮНЕСКО, его цели и философия», которая стала манифестом и остается «символом веры» культурной «миссии» ООН [Vermeren. 2011]. Как теоретик и идеолог Хаксли стоял у истоков доктрины конвергенции, осуществив экстраполяцию этого понятия из биологии на социальную сферу и истолковав как процесс обмена идеями, практиками и технологиями между индивидами, обществами, культурами и религиями, который ведет к объединению мира. В связи с этим Хаксли говорил о «кумулятивной тенденции» как определяющей в истории и неотвратимо ведущей человечество по пути «мирового политического единства». Эта «глобальная цель» может быть достигнута при условии «единства мирового сознания», которое, в свою очередь, должно быть подготовлено созданием «единой всемирной культуры» и «единой философии», выражающих «единый образ жизни и единый взгляд на жизнь» [Фролова, 2013, с. 56].

Согласно Хаксли, мировое единство не может быть полностью реализовано лишь средствами образования, науки и культуры: оно должно также опираться на определенную форму «глобального политического единства, будь то посредством единого мирового правительства или иным образом»; вместе с тем, «ЮНЕСКО может многое сделать для подготовки основ, на которых политическое единство мира может опираться позже» [Томский, 2019, с. 21]. При этом глобализационный вектор сталкивается с противодействующими факторами и вступает с ними в непримиримую борьбу, которая

рисуетя в виде следующей схемы: «мировой интернационализм против мультинационализма, наука против иллюзий, демократия против тирании, свобода мысли против авторитарных догм и репрессий» [Фролова, 2013, с. 49]. Сторонники суверенной государственности, приверженцы национальных и религиозных традиций, не желающие жертвовать этими вещами ради нового «качества жизни» и «безопасности», которые должны быть достигнуты благодаря глобализации мира, – демонизируются и объявляются врагами; они объявляются мрачными «фанатиками, получающими удовлетворение от националистических и фундаменталистских идей» [Томский, 2019, с. 21].

Знаниям и верованиям, отражающим традиционный образ жизни людей, Хаксли противопоставляет авангардную науку и философию, которые должны быть готовы «в случае необходимости бороться против антинаучных или противоречащих духу науки движений, таких как религиозный фундаментализм» [Томский, 2019, с. 23]. В противоположность этому, вполне научной и нравственно оправданной целью приложения усилий для международной организации является, согласно Хаксли, осуществление трансгуманистического проекта: «ЮНЕСКО также должна стремиться не только увеличить общее счастье обычного человека, но и поднять выше уровень, которого может достичь человек. Эта идея относится <...> и к самому человеческому материалу. Человеческий прогресс отчасти состоит в повышении среднего уровня между ранее существовавшими пределами, предназначенными для достижения всевозможных результатов, а также в повышении верхнего предела и открытии человеку новых возможностей» [Томский, 2019, с. 22].

Заложенная Джулианом Хаксли база сохраняется в качестве идейного арсенала ЮНЕСКО, а риторика руководителей этой структуры развивается в русле выступлений ее отца-основателя и первого директора. ЮНЕСКО позиционируется ими как международная «организация, имеющая интеллектуальную и нравственную основу», на платформе которой ведется «диалог», призванный получить мировое звучание и охватить сферу принятия политических решений; при этом «связь между аналитической работой, дискуссиями и практической деятельностью» должна быть упрочена «благодаря объединению усилий философов, руководителей и гражданского общества» [Томский, 2019, с. 27]. Поскольку в данной комбинации философам отводится ключевая роль, ЮНЕСКО неуклонно наращивает свою активность в реализации разного рода международных философских программ – научных, просветительских, образовательных. На сегодняшний день их совокупность составляет весьма внушительный комплекс, включающий в себя такие форматы, как Международный совет по философии и гуманитарным наукам, Всемирный философский конгресс, международный философский журнал «Диоген», сеть кафедр ЮНЕСКО по философии, Парижская декларация по философии (1995 г.)¹, ежегодный День философии ЮНЕСКО (с 2002 г.), Всемирные дни философии² (с 2005 г.), Межсекторальная долгосрочная стратегия по философии (2005 г.) [см.: Дианова, 2015; Томский, 2019].

Как показывают исследования, в научно-образовательных проектах ЮНЕСКО «главный акцент направлен на расширение связей учёных и экспертов с международными общественными организациями, на формирование воздействия политического характера исследований» [Арсанова, 2016, с. 88], тогда как сама ЮНЕСКО представляет собой не что иное, как «инструмент достижения политических целей» [Арсанова, 2018, с. 249]. Что касается «Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта» ЮНЕСКО,

¹ Первым подписантом Парижской декларации является представитель Института философии РАН Р.Г. Апресян (в 2022 г. Минюстом РФ признан иностранным агентом) [см.: Томский, 2019, с. 27].

² «Тематика Дней философии, которые проходили с участием ЮНЕСКО во Франции, Чили, Марокко, Турции, Италии, России и других странах, касалась культурного разнообразия, проблем войны и мира, прав человека, глобализации, науки и этики, социальных преобразований и межкультурного диалога» [Дианова, 2015, с. 271].

то к этому документу в полной мере применима характеристика серии меморандумов по этическому регулированию ИИ, которые рассматриваются «как декларация, попытка отвлечь общественность от реальных политических проблем, или как “этический камуфляж” для компаний, стремящихся избежать законодательного регулирования или использовать этику в качестве маркетинговой уловки» [Маслова, Самойловская и др., 2022, с. 72].

Заключительные соображения

Экспоненциальное развитие и внедрение технологий ИИ сопряжено с серьезнейшими экзистенциальными рисками, среди которых российский эксперт выделяет «нарушение баланса между управлением и манипулированием в обществе, возникновение процессов деинтеллектуализации и дезориентации людей в информационном пространстве из-за подмены их интеллектуальных функций искусственным интеллектом, подавления их биологических и психологических потребностей искусственным интеллектом и связанными с ним технологиями» [Федоров, 2023, с. 12]. Здесь перечислено то, что можно назвать проблемами искусственного интеллекта первого уровня. Подобно тому, как в каталоге прав человека принято выделять индивидуальные и коллективные права, или права третьего поколения [Варламова, 2011], в этике ИИ могут быть выделены проблемы индивидуального, общественного и национально-государственного уровня. Выше было показано, что как сами технологии ИИ, так и предлагаемые международными организациями разработки и рекомендации по их этическому регулированию могут служить интересам определенных акторов мировой политики и бизнес-интересам транснациональных корпораций. При этом они могут выступать в качестве своеобразных «тройных коней», представляя значительную угрозу для сохранения народами суверенных государств духовно-нравственной и культурно-исторической идентичности.

В условиях современного мира способность эффективно развивать и контролировать национальную сферу высоких технологий становится, возможно, одним из ключевых условий сохранения полноценного государственного суверенитета. В противном случае нас ожидает «схема “подтягивания” развивающихся стран и регионов до определенного уровня или стандарта на условиях, подразумевающих принятие в “пакете” с технологической помощью предустановленных идеологических, морально-этических, культурных и других установок» [Федоров, Цветков, 2020]. Впрочем, сегодняшние вызовы требуют как технологической, так и этической, ценностно-смысловой автономии: ни первый, ни второй компонент не может быть поставлен на внешний «аутсорсинг» без угрозы утраты суверенитета (как минимум – цифрового и интеллектуального). Как указывает в связи с этим С.Н. Васильев, «странам необходимо сотрудничать и учиться управлять в науке и искусстве противодействия угрозам, в т.ч. неокOLONиализму государств и транснациональных компаний. <...> Требуют постоянного внимания проблемы <...> противодействия использованию цифровых средств для разрушения духовно-нравственных устоев человека» [Человек и системы..., 2022, с. 51, 57].

Проведение исследований, направленных на «прогнозирование социальных и этических аспектов» использования технологий ИИ предусматривается Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (§ 57). Аксиологическая проблематика нашла отражение и в российском «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта», где прописана необходимость «учитывать ключевые ценности, такие как: содействие культурному и языковому многообразию, самобытности; сохранение традиций и устоев наций, народов, этносов и социальных групп» (§ 1.1). В документе констатируется также обязательность сопровождения процесса внедрения новых интеллектуальных технологий прогностическими исследованиями их потенциального влияния на духовную жизнь общества: «Принятие значимых для общества и государства решений в области применения ИИ должно сопровождаться...

изучением возможных изменений в ценностно-культурной парадигме развития общества с учетом национальных приоритетов» (§ 2.1).

По сравнению с Рекомендацией ЮНЕСКО и другими аналогичными документами международных организаций [Маслова, Самойловская и др., 2022, с. 71-72], российский Кодекс в этико-аксиологической части отличается исключительной лапидарностью: цитированные выше его фрагменты – безусловно, справедливые и актуальные – имеют декларативную форму, нуждаются в развитии и наполнении конкретным содержанием. И прежде всего необходимо достижение определенности в части фундаментальных философско-мировоззренческих, духовных и ценностных оснований, на которые мы можем опираться при осмыслении и использовании новых технологий. У ЮНЕСКО такие основания налицо, они широко эксплицированы в документах и проектах этой организации, однако, как показано выше, для нас являются неприемлемыми, поскольку находятся в очевидном противоречии с традиционными ценностями и национальными интересами России.

Думается, в связи с этим нам предстоит определить и артикулировать те духовные и идейные традиции, наследниками которых мы являемся, ценностями и смыслами которых можем руководствоваться в данном вопросе; предстоит раскрыть и актуализировать их содержательный потенциал применительно к проблематике ИИ. К слову, Д.Е. Ушаков и Е.А. Валуева апеллируют к такому направлению философии техники, как русский космизм, где, в противоположность западному трансгуманизму, утверждается «абсолютная ценность индивидуального человеческого существования. Она находит отражение, например, у Н.Ф. Федорова в идее использования технологического прогресса для достижения ценностных идеалов. В этом плане цивилизационное назначение техники, в т. ч. искусственного интеллекта – реализовать исконное стремление человека к справедливости, счастью, бессмертию» [Человек и системы..., 2022, с. 118-119]. Наряду с космизмом, это могут быть, например, русская софиология и персонализм. Русское философское наследие обладает богатыми теоретическими ресурсами, которые могут быть эффективно использованы нами для осмысления современных вызовов и угроз – от технологических до духовно-этических и культурно-цивилизационных. Перед нами – практически непаханое поле работы в этом направлении.

Список источников

- Зорькин В. 2024. Право и вызовы искусственного интеллекта. Российская газета 27.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=m3adstk1nu740723539> (дата обращения: 18 сентября 2024).
- Искусственный интеллект под контролем. 2020. URL: <https://unesco.ru/news/ai-committee/> (дата обращения: 18 сентября 2024).
- Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Патриарх Кирилл связал внедрение ИИ во все сферы жизни с дегуманизацией общества. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19065199> (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. 2023. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 20 сентября 2024).
- Федоров М.В., Цветков Ю.А. 2020. Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО. РСМД, 18.11.2020 (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/>).

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. 2024. Статус этических кодексов в этике искусственного интеллекта. *Информационное общество*, 4: 43–49.

- Арсанова Т.Е. 2018. Деятельность ЮНЕСКО как инструмент мировой политики. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 245–251.
- Арсанова Т.Е. 2016. Роль ЮНЕСКО в современных условиях. *Вестник МГУКИ*, 5(73): 83–88.
- Варламова Н.В. 2011. Третье поколение прав человека? *Российский юридический журнал*, 2(77): 9–18.
- Воронков Л.С. 2015. Международные организации: основные причины их возникновения и развития. *Вестник МГИМО-университета*, 4(43): 102–110.
- Гарби Ж. 2019. Искусственный интеллект в современной деятельности ЮНЕСКО. Экология медиасреды. Сборник статей IV Открытой межвузовской научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2019 г. Под ред. Ю.Ю. Черного, И.В. Жилавской. М., МПГУ: 50–59.
- Дианова В.М. 2015. ЮНЕСКО и философия. *ΣΟΦΙΑ*, 15: 269–273.
- Клюева Н.Ю. 2021. Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*, 5: 52–66.
- Кутейников А.Е. 2015. Демократия вне государства? Деятельность многосторонних международных структур по созданию современной демократической модели. *Актуальные проблемы Европы*, 3: 15–44.
- Леушина В.В., Карпов В.Э. 2022. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях. *Философия и общество*, 3: 124–140.
- Маслова Е., Самойловская Н., Сорокова Е., Чеков А. 2022. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов. *Сравнительная политика*, Т. 13. № 4: 65–84.
- Сорокова Е.Д. 2022. Этика искусственного интеллекта в России и Европейском союзе: общее в риск-ориентированных подходах. *Дискурс-Пи*, Т. 19. № 3: 157–169.
- Томский Г.В. 2019. Философия, идеалы и ценности ЮНЕСКО. *Concorde*, № 2: 18–31
- Федоров М.В. 2023. Социально-экономические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта. *Исследования в цифровой экономике*, 1: 6–60.
- Фролова М.И. 2013. Эволюционный гуманизм Джулиана Хаксли в век глобализации. *Человек*, 3: 44–58.
- Человек и системы искусственного интеллекта. 2022. Под ред. В.А. Лекторского. СПб., «Юридический центр», 328 с.
- Vermeren P. 2011. *Die Philosophie und die UNESCO*. Bonn: Peter Lang GmbH und Deutsche UNESCO Kommission, 124 p.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. 2024. Status of ethical codes in the ethics of artificial intelligence. *Information Society*, 4: 43-49. (In Russian)
- Arsanova T.E. 2018. UNESCO activity as an instrument of world politics. *Socio-humanitarian knowledge*, 3: 245-251. (In Russian)
- Arsanova T.E. 2016. The role of UNESCO in modern conditions. *Vestnik MGUKI*, 5 (73): 83-88. (In Russian)
- Varlamova N.V. 2011. The third generation of human rights? *Russian Law Journal*, 2 (77): 9-18. (In Russian)
- Voronkov L.S. 2015. International organisations: the main reasons for their emergence and development. *Bulletin of MGIMO-University*, 4 (43): 102-110. (In Russian)
- Garbi J. 2019. Artificial intelligence in contemporary UNESCO activities. Ecology of the media environment. Collection of articles of the IV Open interuniversity scientific-practical conference, Moscow, 25 April 2019. Edited by Y.Y. Cherny, I.V. Zhilavskaya. MOSCOW, MPGU: 50-59. (In Russian)
- Dianova V.M. 2015. UNESCO and philosophy. *ΣΟΦΙΑ*, V. 15: 269-273. (In Russian)
- Klyueva N.Yu. 2021. Ethico-applied aspects of application of technologies of artificial intelligence. *MSU Bulletin. Series 7. Philosophy*, 5: 52-66. (In Russian)
- Kuteinikov A.E. 2015. Democracy outside the state? Activity of multilateral international structures to create a modern democratic model. *Actual problems of Europe*, 3: 15-44. (In Russian)
- Leushina V.V., Karpov V.E. 2022. Ethics of artificial intelligence in standards and recommendations. *Philosophy and Society*, 3: 124-140. (In Russian)

- Maslova E., Samoilovskaya N., Sorokova E., Chekov A. 2022. Regulation of artificial intelligence in Russia: eclecticism of approaches and actors. *Comparative Politics*, 13(4): 65-84. (In Russian)
- Sorokova E.D. 2022. Ethics of Artificial Intelligence in Russia and the European Union: common in risk-oriented approaches. *Discourse-P*, Vol. 19. № 3: 157-169. (In Russian)
- Tomsky G.V. 2019. Philosophy, ideals and values of UNESCO. *Concorde*, no. 2: 18-31/ (In Russian)
- Fedorov M.V. 2023. Socio-economic aspects of the introduction of artificial intelligence technologies. *Studies in Digital Economy*, № 1: 6-60. (In Russian)
- Frolova M.I. 2013. Julian Huxley's evolutionary humanism in the age of globalisation. *Man*, № 3: 44-58. (In Russian)
- Man and artificial intelligence systems. 2022. Edited by V.A. Lektorsky. SPb., 'Legal Centre', 328 p. (In Russian)
- Vermeren P. 2011. *Die Philosophie und die UNESCO*. Bonn: Peter Lang GmbH und Deutsche UNESCO Kommission, 124 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.09.2024
Поступила после рецензирования 19.11.2024
Принята к публикации 30.11.2024

Received September 19, 2024
Revised November 19, 2024
Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем передачи информации РАН, Москва, Россия.

Anatoly V. Chernyaev, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow, The Institute for Information Transmission Problems RAS, Moscow, Russia.